

Цзо Саньцю и Ши Цзун покинули кладбище на другом берегу реки и первым делом вернулись в гостиницу. Оба проголодались, поэтому снова принялись за печеную картошку. Расправившись с едой, они поспешили обратно на площадь, чтобы дожидаться прибытия следующей группы NPC.

В центре площади возвышалась статуя. Это была изящная красавица в полный рост, примерно в два человеческих роста, с драгоценным нефритом в руках. У её подножия стояла табличка с красной кнопкой — тем самым инструментом для запуска голосования, о котором упоминала система. Это была статуя Святой девы, символ женской чистоты. В этом закрытом, отсталом городке власть принадлежала исключительно мужчинам, а от женщин требовали соблюдения строгих моральных устоев, возводя девственность в абсолют. Местные жители поклонялись статуе, надеясь, что все женщины будут столь же непорочны.

Ши Цзун поднял голову, окинул статую взглядом и небрежно присел рядом.

Цзо Саньцю подошел ближе и спросил:

— О чем ты думаешь? Неужели о картошке?

— О том, насколько я похож на неё, — ответил Ши Цзун.

— А? В чем сходство? Ты мужчина, она женщина, где тут сходство? — напомнил Цзо Саньцю. — В игре нельзя слишком сильно погружаться в роль!

Ши Цзун на мгновение замер, а затем произнес:

— Твои слова звучат так запутанно... и, знаешь, довольно философски. То, что ты сказал, на первый взгляд кажется верным, и я даже не знаю, как опровергнуть тебя, используя твою же логику. Но я точно знаю одно...

Ши Цзун снова устремил взгляд в небо и негромко продолжил:

— Я имею в виду, что мы с Цзян Ваньэр потеряли память и не помним своего прошлого. К тому же... — он прищурился, словно пытаясь разглядеть свет, скрытый за слоями облаков. — Иногда мне снятся сны, в которых кто-то говорит, что я совершил ужасные преступления и после смерти отправлюсь в ад на мучения. Жизнь до потери памяти, по сути, не имеет отношения к нынешнему мне.

Цзо Саньцю был поражен. Логика Ши Цзуна ошеломила его. Тот выглядел необычайно серьезным, а в его глазах читалась редкая для него растерянность.

— Когда человек теряет память, в каком-то смысле он теряет прежнего себя, — продолжал Ши Цзун. — С момента потери памяти новый опыт дарует ему второе рождение. Но... я ведь уже не тот, кем был раньше. Память — это прошлое, а прошлое определяет характер человека и в некоторой степени его будущее. Значит ли это, что грехи, совершенные тогда, лежат на

совести нынешнего меня? Та часть жизни прошла без участия того, кто я сейчас. У меня новые воспоминания, новый опыт. Если бы я вернулся в прошлое, я не обязательно сделал бы тот же выбор.

Ответ Ши Цзуна оказался неожиданным. Цзо Саньцю промолчал, но, осознав глубину сказанного, тихонько отодвинулся от собеседника подальше.

— Если следовать твоей логике, то любой преступник может просто стереть себе память и очиститься? Раз они ничего не помнят, то прошлые ошибки к ним больше не относятся? — спросил Цзо Саньцю.

— Конечно, нет. Твоя мысль в корне неверна. В том пузыре счастья, который они разыгрывают, нынешняя Цзян Ваньэр чувствует себя счастливой, её злоба утихает, и, возможно, она уже не будет убивать людей, как раньше. Но, с другой стороны, именно причины из прошлого породили нынешние следствия. Она не может просто сказать: я потеряла память, — и вычеркнуть всё, что натворила!

Ши Цзун усмехнулся:

— Ты смеешься? Над тем, что я не прав?

— Нет, ты прав. Ты очень справедлив, говоришь именно так, как должен говорить парень в твоём возрасте. Тебе ведь девятнадцать?

— Ты что, смеешься над моей наивностью?

— Почему сразу смеешься? Наивность — это не ругательство.

Выражение лица Ши Цзуна стало обычным.

— Вернемся к делу. Ты правда считаешь, что Цзян Ваньэр — законченная злодейка?

— У тебя есть другие соображения? — спросил Цзо Саньцю. — Кстати, ты так и не сказал, что было не так с моими догадками.

Ши Цзун начал перечислять:

— Первое сомнение: Цзян Ваньэр прокляла всех жителей, и любой, кто родился здесь после 1938 года, не доживает до тридцати пяти. Неужели ради спасения четверых — Ли-старшего, Ли-младшего, Ван Чжиэня и Чжан Е — весь город готов жить в так называемом элитном районе, окруженном рекой, и подыгрывать трем семьям в этом спектакле? Затраты не соответствуют результату. Второе: в предсмертной записке Цзян Ваньэр называют распутницей. Если она действительно была такой легкомысленной, почему три семьи решили, что, влюбив её в себя, смогут снять проклятие? Нельзя надеяться, что женщина, не знающая верности, искренне полюбит кого-то из-за нескольких театральных постановок. Это не самый

надежный метод.

Ши Цзун посмотрел на Цзо Саньцю:

— Три семьи сегодня с такой легкостью свалили на меня смерть старейшины Гуна, значит, и тогда они могли свалить гибель семьи Е на меня. Семья Е была очень влиятельной и владела золотыми приисками. Где они сейчас? Есть принцип: ищи того, кому выгодно. Семья Е уничтожена, а я, в облике Цзян Ваньэр, не только не получила золота, но и погибла, став призраком без памяти. Я подозреваю, что слово распутница — это тоже их выдумка для очернения. Так что в этой истории я, скорее всего, жертва, а не преступник.

— В твоих словах есть смысл. Возможно, это действительно тебя не касается.

Раздался детский голосок. Это была Ли Сымэй, подошедшая вместе с Ли-старшим. У девочки были заплетены две косы, и, несмотря на детское личико, держалась она с высокомерием знатной дамы. Ли-старший выглядел добродушным и общительным.

Они показали две карты с надписью Линьские горнодобывающие предприятия. Одна была старой и пожелтевшей, вторая — относительно новой. Старая карта датировалась 1928 годом, а новая — 1938-м, годом гибели семьи Е. На новой карте зона золотых приисков была значительно больше.

— Зона приисков недоступна для исследования, но там работает телефон, — объяснил Ли-старший. — Я позвонил дежурному менеджеру и подтвердил, что эта часть территории раньше принадлежала семье Е. По словам менеджера, после того как Цзян Ваньэр вырезала всю семью Е, приисками стало некому управлять, и три семьи неохотно взяли их под свое крыло.

Неохотно? Взяли под крыло? Ши Цзун приподнял бровь.

Цзо Саньцю спросил:

— Вы двое всё время исследовали локации вместе?

Ли-старший кивнул:

— Да, мы с Сымэй в одной группе, Ван Чжиэнь и Ли-младший — в другой. Карта слишком большая, в одиночку не справиться. А работая парами, мы можем присматривать друг за другом. Вы с Цзян Ваньэр тоже всё время вместе?

— Да, — ответил Цзо Саньцю.

— Тогда проблем нет, — сказал Ли-старший.

Вокруг зазвучало всё больше шагов — приближалась новая группа NPC. Было уже полпервого,

время, назначенное Ши Цзуном, вышло. NPC бежали к площади, плача и умоляя о пощаде.

Ли-старший вздохнул:

— Когда мы с Сымэй исследовали территорию, мы слышали, как NPC говорили об угрозе, исходящей от Цзян Ваньэр... — он поднял большой палец вверх. — Отлично сработано. Это сэкономило кучу времени.

— Главным образом, мне и Чжан Е, — холодно ответил Ши Цзун.

Ли-старший нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— У нас с Чжан Е явно меньше информации, чем у вас четверых, — прямо сказал Ши Цзун. — Ты знал о любовном проклятии, об изменении памяти и о заклинании для её восстановления? После свадьбы ты резко изменил ко мне отношение и постоянно пытался свести меня с Ли-младшим... Сколько ты на самом деле знаешь о том, что произошло десять лет назад и кто уничтожил семью Е? Ты скрываешь всё это, потому что боишься потерять баллы?

— Я действительно кое-что скрывал, но немного, — признался Ли-старший. — После свадьбы я узнал о проклятии и о том, что ты — злой дух. Я действительно помогал родителям подтолкнуть тебя к младшему брату. Они объяснили, что нам нужно пожениться, чтобы снять проклятие, но больше я ничего не знаю. К тому же, — он указал на Ли Сымэй, — Сымэй тоже ничего не знает. Весь город играет спектакль перед Цзян Ваньэр. Взрослым это дается легко, а детей контролировать сложно, поэтому старейшина Гун просто стер им память. В общем, у вас с Чжан Е и Сымэй примерно одинаковый объем информации. Всем вам стерли память.

Ши Цзун спросил:

— Вы нашли еще какие-нибудь улики?

На этот раз заговорила Ли Сымэй:

— В гостинице Вечный покой я нашла кенотаф. Думаю, это твой. Я выкопала из него фотографию, где ты с каким-то мужчиной. Похоже, вы были парой.

Она протянула снимок. На фото была красивая пара, влюбленные смотрели друг на друга. Женщиной была Цзян Ваньэр. В правом нижнем углу стояла подпись: Фэн.

У Ши Цзуна дернулся висок. Перевернув фото, он прочел:

— Ваньэр, в этом мире тебя не найти. И на небесах, и в преисподней я всё равно тебя отыщу. Е Юньфэн.

<http://bllate.org/book/21417/2187048>